
РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Трансформация России и Украины: социальные основы реформ и антиреформ¹

Д. ЛЭЙН

Эта работа посвящена социальным аспектам трансформации в России и Украине. «Классовый» вопрос, как правило, не рассматривается при изучении трансформации постсоветских государств, тогда как наиболее распространено исследование направляемых элитой «системных сдвигов» к рынку и демократии. Трансформация государственного социализма также обычно объясняется как «системный сдвиг», подразумевающий переход к капитализму и демократии. Альтернативно этот процесс рассматривается как революция, которая привела к всеобъемлющему изменению социально-политических и экономических институтов, идеологии и отношению с иностранными государствами. Авторы таких мнений, однако, разделяют идею, что главным двигателем изменений в обществе является элита. И если прежнее поколение ученых исследовало социальные изменения на основе социальной и классовой революции, то к концу XX в. объектом анализа становятся «системные сдвиги» и элита.

Введение

Теории «системных сдвигов» фокусируются на присущей социалистическому государству нестабильности. Отсутствие принуждения, с одной стороны, а с другой – рынка и механизмов решения конфликтов в тоталитарной системе, приводит общество к кризису [Kornai 1998, p. 40]. Согласно этой парадигме, политическим акторам, за которыми стоит элита, удастся провести последовательные социоэкономические сдвиги. В данном случае неучтенной остается роль классов, продвигающих изменения в отношениях собственности. Можно предположить, что новая элита заменит «неправильные» институты социализма рынком, частной собственностью и демократическими институтами. С этой точки зрения, внутренний конфликт элит, усугубленный слабостью государственного руководства, порождает внутрисистемные вызовы для всей государственной системы. Иногда, хотя и не всегда, население поддерживает вос-

¹ Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта «Трансформация государственного социализма». Работа осуществлялась при поддержке Leverhulme Trust (Grant No F/01 034/A).

ходящую элиту, являющуюся противником внутренней оппозиции. Таким образом, происходит «либеральная революция», стирающая ограничения, сдерживавшие социальное развитие. Доводы, приведенные выше, достаточно понятны: значительные классовые изменения не являются необходимыми для возникающего в ходе трансформации нового режима [Mau, Starodubrovskaya 2001, p. 332].

Анализ элит, однако, не является исчерпывающим при объяснении трансформации. Элиты, по определению, занимают главное место в различных социальных, политических и экономических сферах. Какие интересы представляют элиты? Главной проблемой является то, что необходимо объяснить, почему политическая элита постоянно принимает идеологию и политику рынков, частной собственности и конкурирующих демократических партий. Как выразился один из ученых, работающих в данной области, цели элит заключаются в сохранении их собственной «организационной автономности» и поддержании «отношений эксплуатации» [Lachmann 1997, p. 97]. Это отнюдь не указывает на то, какую политику элиты примут для достижения своих целей, и не объясняет, почему именно представители власти должны в первую очередь реформировать экономические и социальные институты. В конце концов, только тоталитарный режим может обеспечить полный контроль над организационной автономностью и отношениями эксплуатации правящей элиты над массами.

За некоторыми важными исключениями (Китай, Белоруссия), в обществах бывших социалистических государств проводилась схожая политика в области экономики, политики и иностранных отношений. Если элиты «располагают возможностью перераспределять ресурсы других слоев в собственную пользу» [ibid., p. 97], то для чего им поддерживать «системный сдвиг» в сторону англо-американской модели институционального устройства? Почему не поддержать регулируемое государством рыночную систему, в которой собственность является государственной, как это произошло в Китае? Причины подобных сдвигов объясняет подход, основанный на теории классов. Подходы, исследующие элиты, не дают объяснения, почему последние руководствуются той или иной политикой, не раскрывают нам источники их социальной власти (военной, социальной, политической, экономической, внешней или внутренней для данного общества). Что касается самой трансформации, то невозможно четко определить, к чему стремятся и с чего начинают движение различные социальные группы, в чем цель политики становления рынка и приватизации – процессов, являющихся наиболее естественными для правящих элит посткоммунистических обществ.

Подобные доводы также применимы к анализу политической ситуации. Если система обновления элит далека от совершенной, системные изменения могут принять незавершенный вид и тогда есть вероятность, что трансформация не произойдет вовсе. Этот аргумент обычно используется для таких стран, как Украина, Россия, Белоруссия и многих других центрально-азиатских государств, условно названных «аутсайдерами трансформации». В этих странах режим по сути остался прежним, лишь слегка изменив форму. Прежние правящие группы, которые принято называть номенклатурой, остаются у власти. Утверждается, что в этих странах реформы привели не к революции, а к построению

авторитарной и бюрократической систем. Капитализм не прижился в России вследствие сохранения элементов государственной собственности, отсутствия настоящей буржуазии и той системы, в которой она обычно существует («конкурентной демократии»). Реформы фактически оказались замороженными, что было выгодно наделенным властью элитам. Политика, управляемая западными интересами и провозглашенная как «оранжевая революция», направлена на замену одного ядра элиты другим.

Что же лежит в корне этих сил? Несмотря на классические теории возникновения революций, в которых социетальные акторы (такие как крестьяне, рабочие, интеллигенция, буржуазия) обеспечивают массу и энергию для толчка «снизу» (в рамках системных изменений, руководимых элитой), они либо не появляются, либо являются периферийными для основных игроков. Недостаток классового анализа может быть объяснен частично тем, что западные ученые уделяют мало внимания этому вопросу в исследованиях политической науки и социологии. В своем собрании эссе «Идентичность и социальные изменения» Дж.Е. Дэвис подчеркивает, что при исследовании классовой схожести и политической активности основные усилия приходится на изучение «расовой, этнической, национальной принадлежности, а также половой принадлежности и сексуальной ориентации» [Davis 2000, p. 4]. Традиционные источники групповой идентичности в период «постмодерна» заметно переместились из «социальной сферы» в «сферу культуры» [Dunn 2000, p. 124]. Массовость культуры «дестабилизирует» и приводит к «дезинтеграции», ее роль как источника потребления становится фрагментированной из-за возникновения новых форм досуга [Ibid., p. 115]. В анализе социальных изменений произошел сдвиг парадигмы: различия социальных классов, определяемые родом деятельности, богатством, сгладились и были заменены различиями в образе жизни, который формируется в зависимости от модели потребления на рынке. Социальные движения становятся более аморфными, а политические партии теряют свою значимость. «Классовый» анализ как понятие становится политически некорректным.

Хотя авторы явно не обращаются к вопросу трансформации государственного социализма, они повлияли на то, что этому вопросу стало уделяться больше внимание. Следуя провозглашенной декомпозиции классов, Я. Пакульски и М. Уотерс в работе «Смерть классов» отрицают роль классового подхода для анализа посткоммунистических обществ. «Посткоммунистические общества нельзя успешно анализировать, используя классовую парадигму» [Pakulski, Waters 1996, p. 147]. Так как классы не относятся к проекту трансформации обществ, не следует ожидать, что классовому подходу будет отдано предпочтение. Более того, все авторы постмодерна согласны с тем, что расхождения во взглядах из-за национальных, этических, половых и возрастных различий лишь поддерживают политическую активность. При этом К. Оффе и В. Бёнс, которые придерживаются трактовки трансформации как революции, также не признают наличие классовых сил ни как ее причину, ни как последствие. Согласно В. Бёнс, «с уходом социалистической диктатуры до угрожающих размеров вырастают националистические настроения» [Bunce 1999, p. 152; Offe 1996]. Почему же с трансформацией государственного социализма в капитализм должны связываться именно «этнические»

и «национальные» группы? Подобные утверждения требуют эмпирического обоснования, поверхностных рассуждений для этого недостаточно [Harvey 2000, p. 27–52]. Понимание классовой системы очень важно, потому что именно классы формируют оппозицию или поддержку капиталистической системе.

Классовые интересы и социальная идентичность

В первую очередь следует принимать во внимание интересы, продвигаемые элитой. Я глубоко убежден в том, что политика приватизации, продвижения рыночной системы и открытой экономики стоит во главе капиталистической системы. Связанные с этой политикой изменения привели к непропорциональной поляризации системы классов, в которой выкристаллизовался класс собственников и рабочий класс.

На основе эмпирического исследования, проведенного в Болгарии и Польше в начале 1990-х годов, Дж. Эванс и К. Миллс (Geoffrey Evans, Colin Mills) показали, что классовое положение (основанное на роде деятельности) – «это основа для значительного ряда неравенств и условий» [Evans, Mills 1999, p. 42]. По результатам опроса в девяти центральных и восточных европейских обществах, проведенного в 1993–1995 гг., Эванс обнаружил, что индивиды, получающие высокую заработную плату, имели преимущество в образовании, что, в свою очередь, обеспечило им преимущество во время переходного периода. В среде рабочих (физический труд и сельское хозяйство) наблюдалась значительная безработица, худшие перспективы карьерного роста и очень низкий доход. Эти данные также отразили существенную разницу в изменениях образа жизни работников физического и умственного труда: верхняя социальная страта выиграла в результате изменений, однако у нижних двух наблюдались ухудшения [Evans 1996, p. 232]. Дальнейшее подтверждение того, что классовая стратификация оказалась важным моментом при трансформации Польши, можно найти в работе К. Slomczynski и G. Shabad [Slomczynski, Shabad 2000, p. 201–203] в начале 1990-х годов. Они провели исследование различных социальных страт, в которых индивиды разделяют общие политические взгляды и участвуют в одних организациях. Даже при изучении поведения электората Szelenyi, Fodor и Hanley сделали вывод, что «за первые пять посткоммунистических лет значимость классовых различий усилилась» [Szelenyi, Fodor, Hanley 1997, p. 196]. К такому же заключению в своей работе пришли Mateju and Rehakova [Mateju, Rehakova 1992–1996, p. 501–542, p. 537].

В статье, представленной вниманию читателя, предпринята попытка анализа и дополнения приведенных выше результатов с учетом не только рода деятельности, но и того, как социальное положение людей связано с их восприятием изменений. Мы сравнивали социальную структуру Украины и России, основываясь на результатах опросов общественного мнения в России и на Украине в 2005 г., целью которых было исследование динамики социального статуса в посткоммунистический период. Задаваемые вопросы были построены таким образом, чтобы понять, к какой социальной группе относят себя люди и насколько эта идентификация обусловлена их политическими взглядами и

оценкой трансформационных процессов. Исследовалось, как различные политические взгляды соотносятся с такими факторами, как род деятельности, национальность, поколение и пол. Выборка обоих опросов строилась случайным образом: в России ее размер составил 1600 респондентов от 18 лет (на апрель 2005 г.), на Украине – 2015 человек (на сентябрь 2005 г.). Опросы проводились дома у респондентов. Респонденты были разделены по роду деятельности, возрасту, полу, месту проживания и их субъективной оценке социальной принадлежности. Эти данные затем были соотнесены с политическими предпочтениями респондентов, а также их оценкой трансформационных процессов, а именно приватизации и перехода к рыночной экономике. Везде задавались одинаковые вопросы (правда, некоторые из них приходилось адаптировать к реальным условиям). Результаты исследований были сведены в таблицы, которые представлены ниже: во-первых, социальные характеристики респондентов, во-вторых, анализ разных форм их идентичности, в-третьих, соотношение социально-структурных характеристик и восприятие рыночных реформ.

Основные данные: род деятельности и политическая принадлежность

Текущий (или последний) статус рода деятельности респондентов используется как «объективное» определение их класса. Было выделено 7 категорий: бизнесмены, менеджеры (в частном или общественном секторе), специалисты/интеллигенция, обслуживающий персонал (не работники физического труда), рабочие, крестьяне и студенты (остальные были отнесены к категории безработных и неответивших). Распределение респондентов по роду деятельности представлено в табл. 1. Таблица показывает, насколько похоже распределение по родам деятельности в обоих государствах, с небольшой поправкой, что на Украине больше занятых в сельском хозяйстве и, соответственно, меньше рабочих и обслуживающего персонала, чем в России.

Таблица 1. **Профессии респондентов (Россия, 2005)**

Род деятельности (определение приведено ниже)	Россия %	Украина %
Бизнесмены	4,7	4,2
Менеджеры	1,5	2,2
Специалисты и интеллигенция	19,5	20
Обслуживающий персонал	18,6	16,8
Рабочие	35,4	30,9
Крестьяне	5,1	8,2
Студенты	7,3	6,7
Остальные	7,9	6
Всего	1600	2015

Респонденты относили себя к определенной политической группе на основе собственных политических взглядов. Было предложено 7 категорий, опишем каждую по очереди: приверженцы коммунистических взглядов (признание классовых интересов, поддержка принадлежности средств производства к государственной собственности, централизованное распределение общественного богатства), социал-демократы (государственная защита социальных интересов граждан в условиях рыночной экономики и частной собственности), аграрная группа (стимулирование и развитие сельскохозяйственного сектора), в России – русский национализм (поддержка интересов русского народа, доминирование этих интересов над остальными), на Украине – украинский национализм; либералы (укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики), и, наконец, сторонники жесткого управления («твердая рука»). Так как ответы не являются взаимоисключающими, респондент мог ответить, что он поддерживает либеральные экономические взгляды, но при этом является сторонником авторитарных жестких мер, поэтому ответ мог включать в себя больше одной выбранной категории.

В России 1600 респондентов ответили 2202 раза, на Украине 2015 респондентов – 2378 (включая тех, кто не дал ответ), что отражено в табл. 2. Ответы показывают удивительное сходство двух государств: разница составляет 2–3 процентных пункта в различных категориях.

Таблица 2. Политические взгляды российского и украинского населения (2005)

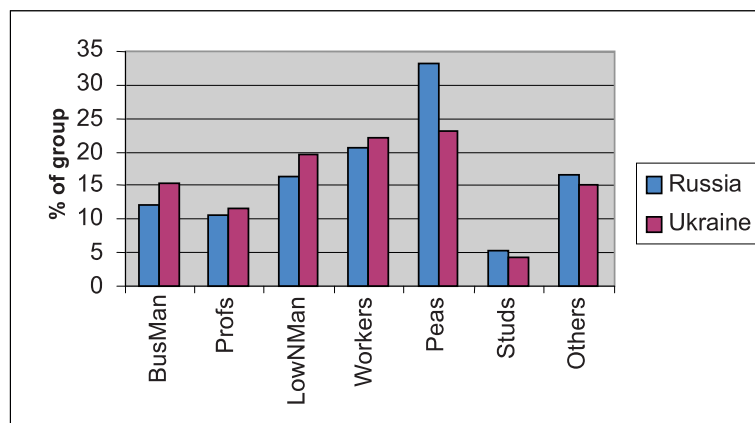
	<i>Россия</i> количество ответов	<i>Россия</i> % ответов	<i>Украина</i> количество ответов	<i>Украина</i> % ответов
Коммунистические взгляды	268	12,1	343	14,4
Социал-демократы	621	31	770	32,4
Аграрная группа	332	15	299	12,6
Националисты (русские, украинцы)	225	10	246	10,3
Либералы	187	8,4	188	7,9
Режим «твердой руки»	345	15,6	442	18,6
Не выбрано ничего из предложенного	224	10,17	90	3,8
Ответов всего	2202	100	2378	100

Социальная основа политической идентификации

Социальный состав респондентов разделен на 6 идеологических блоков. Рассмотрим детально социальную основу коммунизма, социал-демократии, национализма и либерализма и более кратко обозначим основные черты аграрной группы.

Коммунистические взгляды

Диаграмма 1 показывает, в каких пропорциях в каждой группе распределены профессии респондентов, разделяющих коммунистические взгляды (Россия и Украина).

Проверка Пирсона, значимость на 0,001 уровне для России и Украины

Диаграмма 1. Род деятельности граждан, относящих себя к коммунистам

Ситуация с идентификацией в обеих странах выглядит схожей. По мере движения вниз по социальной лестнице растет поддержка коммунистов. Студенты практически не разделяют коммунистических взглядов (около 5%), профессионалы – 11%. Любопытен тот факт, что бизнесменов и менеджеров характеризуют схожие взгляды. С другой стороны, группа, оказавшая наибольшую поддержку коммунистическим взглядам, – это работники сельского хозяйства – треть в России и 23% на Украине, а также пятая часть рабочих в обеих странах. Разница в поддержке коммунистов между украинскими сельскохозяйственными работниками и российскими вероятнее всего объясняется тем, что исторически среди населения Западной Украины большую популярность получили националистические взгляды. Более подробно этот момент будет рассмотрен ниже.

Что касается субъективной идентификации респондентов с той или иной группой, был задан ряд вопросов о принадлежности к семи первоначальным социальным группам: поколения, русская (украинская) нация, бизнесмены, интеллигенция, рабочие, крестьяне и студенты. Респондентам было предложено определить, с кем они имеют «очень много общего», «довольно много общего», «немного общего» и «ничего общего».

На Украине коммунисты сформировались преимущественно из числа тех, кто идентифицировал себя с русской нацией – таких оказалось 93% респондентов. По национальности 28% определивших себя как «русские» считают себя коммунистами, тогда как в значительно более многочисленной группе «украинцев» таких нашлось лишь 14%.

Рассмотрим самоидентификацию с рабочим классом. С таковым в России объективно имеют много общего 89% рабочих. Из них 79% разделяют комму-

нистические взгляды, тогда как те респонденты, которые не соотносят себя с рабочим классом – 88,4% – слабо идентифицируют себя с коммунистами. (Гипотеза верна на 1% уровне значимости.) Украину характеризуют похожие результаты: из тех, кто относил себя к сторонникам коммунизма, 80% причисляли себя к рабочему классу и 72% – к крестьянам. С другой стороны, только 11% «коммунистов» назвали себя бизнесменами. Таким образом, как с объективной, так и с субъективной точки зрения, наблюдается четкая зависимость между принадлежностью к рабочему классу и поддержкой коммунистов.

Как было сказано выше, студенты слабо ассоциируют себя с коммунистами. Это свидетельствует о значительной разнице между поколениями. Чем старше поколение, тем выше процент людей, разделяющих коммунистические взгляды. В российском опросе почти половина людей старше 55 лет являются сторонниками коммунистов (см. табл. 3А и 3Б). Разница в возрастных интервалах объясняется разными шкалами, использованными в России и на Украине.

Таблица 3. Возрастное распределение среди последователей коммунистических идей в России и на Украине

А. Россия

Возраст	18–24	25–39	40–54	55	Всего
% в группе «коммунистов»	6,0	9,1	16,0	29,9	16,8

N= 1332

Значимо на 0,001 уровне

Б. Украина

Возраст	18–29	30–39	40–49	50–59	50–69	Старше 70	Всего
% в группе «коммунистов»	6,0	7,4	13,4	19,1	31,0	36,2	17,0

N= 1673

Значимо на 0,001 уровне.

Возьмем гендерный разрез. На Украине коммунистические взгляды среди женщин немного более популярны, чем среди мужчин (17,9% против 15,4% мужчин). Из общего числа разделяющих коммунистические взгляды женщины составили около 60%. В России аналогичные пропорции практически ничем не отличаются: 17,9% женщин принадлежат к сторонникам коммунистов против 15,3% мужчин.

В России коммунистическая идеология оказалась более выраженной на северо-западе (отмечено среди 23,5% жителей), в центральных районах (17,9%) и на Волге (16,3%); аналогичные показатели сокращаются до 14,9% в Москве и Санкт-Петербурге, а также до 10,3% на Дальнем Востоке. Однако региональная разница статистически не очень значима. Ситуация значительно меняется на Украине. С движением на восток растет поддержка коммунистов, что наглядно представлено в табл. 4. В восточных регионах сосредоточено 35% от общего числа сторонников коммунистов. В западном регионе, напротив, только 8% коммунистов. Такое распределение связано с высокой активностью украинских националистов на западе.

Таблица 4. Коммунистические взгляды в регионах: Украина

	Регион					Всего
	Запад	Центральный запад	Центральный восток	Юг	Восток	
Кол-во	28	54	52	89	120	343
Доля от общего числа «коммунистов»	8,20	15,70	15,20	25,90	35,00	100,00
Доля «коммунистов» внутри региона	7,30	11,20	15,90	23,10	27,30	17,00

Итак, можно сделать следующие выводы. Классовая принадлежность во многом определяет политические взгляды респондентов в обеих странах: сторонники коммунистов в большей мере присутствуют в среде рабочих и крестьян. Принадлежность к возрастным поколениям также значительно влияет на приверженность коммунистическим взглядам: в более старших – доля «коммунистов» выше. Кроме того, на Украине распространенность коммунистических взглядов определяется еще национальным фактором: русскоговорящий Восток больше поддерживает коммунистов, чем украинский Запад.

Аграрии

Логично было бы ожидать, что наиболее серьезную поддержку данные взгляды имеют среди занятых в сельском хозяйстве. На Украине 22% крестьян и сельскохозяйственных рабочих разделяют взгляды аграриев, рабочие – 15,4%, «белые воротнички» нижних ступеней – 14,7%, студенты – 13,4%, бизнесмены – 12,8%, менеджеры и специалисты – по 11,4%. (Значимо на 0,04 уровне.) Похожее распределение имеет место и в России: сельскохозяйственные рабочие – 23,5%, «белые воротнички» нижних ступеней – 22,5%, рабочие – 21,3%, 20,6% специалистов и по 18,4% бизнесменов и менеджеров. Разница с Украиной наблюдается только в студенческой среде – лишь 10% российских студентов поддерживает аграриев. Стоит отметить, что зависимость между родом деятельности и аграрными взглядами статистически незначима.

Женщины составляют значительную часть аграриев. В России распределение между мужчинами и женщинами – 59% к 41%; 22% всех женщин относят себя к аграриям. (Значимо на 0,007 уровне.) В этом нет ничего удивительного, если учесть, что женское население в российских деревнях доминирует над мужским. На Украине 16% женщин разделяют взгляды аграриев по сравнению с 13,4% мужчин.

Для респондентов старших возрастов более характерна поддержка аграрных взглядов, однако на Украине эти результаты оказались статистически незначимыми. (На Украине лишь 17,5% поколения 50–69 лет поддерживает аграриев.) В России сложилась следующая ситуация: 14,7%, 16,8%, 21,7% и 26,5% соответственно для поколений 18–24, 25–39, 40–54, и за 55 лет. (Значимо на 0,001 уровне.)

На Украине опрошенные, отнесшие себя к украинской национальности (16% респондентов), имели большую склонность к участию в аграрном движении, чем русские (11,5%). Также обнаружилось статистически значимые различия по регионам. Районы с большим количеством людей, говорящих на украинском языке (западный и западно-центральный), насчитывают самое значительное число аграриев.

В России также значима разница по регионам: северо-запад, центральная часть, Дальний Восток и Урал обеспечивают поддержку от одной пятой до одной третьей населения. В Москве и Санкт-Петербурге поддержка аграрных взглядов невелика: только 3% москвичей поддерживают аграриев по сравнению с 40% проживающих в деревнях.

Социалистические взгляды

В обеих странах люди в большей мере отнесли себя к социал-демократам: на Украине 38% опрошенных, в России – 38,7%. Есть различие в распределении по роду деятельности: на Украине бизнесменов и менеджеров, отнесших себя к этой группе, 49,6%, 44,4% специалистов и представителей интеллигенции, 36,6% студентов, в то время как среди крестьян и рабочих таких оказалось немного – 27,9% и 35%. Похожая картина наблюдается в России, хотя студенты формируют значительную часть, далее следуют «белые воротнички» низшего звена, специалисты и интеллигенция. Рабочие и крестьяне составили небольшую часть (35,1% и 34,1% соответственно). Все данные указаны в табл. 5.

Таблица 5. Род деятельности и социал-демократия

Украина N = 770	Бизнесмены и менеджеры	Специалисты, интеллигенция	«Белые воротнички»	Рабочие	Крестьяне, работники с/х	Студенты	Другие	Всего
% социал-демократов по роду деятельности	49,6	44,40	38,10	35,00	27,90	36,6	41,30	38,3

Значимость на 0,001 уровне

Россия N=621								
% социал-демократов по роду деятельности	40,8	42,4	45	35,1	34,1	45,7	26,2	38,7

Значимость на 0,002 уровне.

Женщины чаще относили себя к социал-демократам, чем мужчины: в России эти пропорции составили 58% и 41% соответственно (значимость 0,01). Тем не менее на Украине социал-демократические взгляды более свойственны мужчинам (40%) по сравнению с 36,7% женщин, хотя данная разница статистически незначима. На Украине также была выявлена статистически незначимая зависимость между поддержкой социал-демократов и национальностью (украинцы и русские).

В табл. 6 показано, что наибольшую поддержку социал-демократам на Украине оказывает группа 30–50-летних (на нее приходится около 44%), после чего по мере приближения к старшим возрастным группам эта поддержка снижается. Похожая картина наблюдается и в России, где молодежь с левыми взглядами склонна поддерживать не коммунистов, а социал-демократов.

Таблица 6. Социал-демократическая идеология, возрастные группы на Украине и в России

Украина: возрастная группа	18–29	30–39	40–49	50–59	60–69	Старше 70	Всего
% социал-демократов в соответствующей возрастной группе	38,8	44,3	44,0	38,5	32,3	26,5	38,2

Значимость 0,001.

Россия: возрастная группа	18–24	25–29	40–54	55	Всего
% социал-демократов в соответствующей возрастной группе	44,5	44,0	37,3	32,6	38,8

Значимость на 0,001 уровне.

Региональная поддержка социал-демократических взглядов выглядит следующим образом: северо-запад (40%), Волга (41%) и Сибирь (49,6%) составили районы с самой высокой концентрацией; Москва (36%), Дальний Восток (35,1%), центр (32,7%), Урал (30,7%) дали самые низкие показатели. На Украине отмечена аналогичная тенденция при движении с востока на запад: чем восточнее регионы, тем выше поддержка социал-демократических идеалов (см. табл. 7).

Таблица 7. Социал-демократическая идеология, зависимость от региона (Украина)

Регион Украины	Запад	Западно- центральный	Восточно- центральный	Юг	Восток	средняя
% социал-демократов в регионе	25,7	39,3	42,5	40,5	42,7	38,2

Значимость на 0,001 уровне.

Необходимо отметить, что социал-демократия является самым популярным идеологическим направлением среди жителей России и Украины. Тем не менее существует значительная разница в уровне поддержки соответствующих политических идеалов между различными социальными группами. Социал-демократические взгляды в большей мере распространены в молодежной среде и в среде «верхних» социальных слоев. В гендерном разрезе преобладают женщины.

Национально-патриотические взгляды

В России, преимущественно населенной русскими, нет значительного национального разделения между этническими группами, однако присутствует враж-

дебность русских к национальным меньшинствам, особенно по отношению к выходцам из южной части бывшего СССР. 14% опрошенных отметили свою принадлежность к «русским патриотам», причем нет четкой связи в разбросе данного показателя при рассмотрении различных социальных страт. В большей степени распределение зависит от рода деятельности опрошенных. Основная доля приходится на группу студентов (17,1%), далее следуют рабочие и «белые воротнички» нижних ступеней (16%), крестьяне и сельскохозяйственные рабочие присутствуют в очень небольшой пропорции (только 4,9%) (см. табл. 8). В гендерном разрезе пропорции практически совпадают как в России, так и на Украине.

Ситуация на Украине выглядит несколько иначе в связи со спецификой национального распределения. Относящие себя к «украинцам» представляют ядро украинского национализма. Как показано в табл. 8, его сильнейшая поддержка идет со стороны студентов (более трети группы), далее следуют интеллигенция и специалисты. Это подтверждает то, что средний класс в большей степени привержен национальной тематике. «Белые воротнички» и рабочие являются незначительной частью разделяющих националистические взгляды. На Украине лишь небольшая доля рабочих поддерживают националистов.

Таблица 8. Украинские националисты и русские патриоты, деление по роду деятельности

Украина N= 1663	Бизнесмены и менеджеры	Специалисты и интеллигенция	«Белые воротнички»	Рабочие	С/х рабочие	Студенты	Прочие	Всего
% среди группы по роду деятельности	11,6	13,6	8,8	9,8	11,6	31,3	10,50	12,30

Значимость на 0,001 уровне.

Россия N=1374 % среди группы по роду деятельности	14,3	11,9	15,8	16,0	4,9	17,1	10,2	14,1
--	------	------	------	------	-----	------	------	------

Значимость на 0,06 уровне.

Весьма показателен тот факт, что поддержка националистов наиболее распространена среди молодежи. Доля студентов, поддерживающих националистические взгляды в Украине, в сумме всех опрошенных составляет 17,8%, причем, что внутри категории студентов националисты составляют примерно треть (31,3%). 31% националистов приходится на возрастную категорию 18–29 лет, на остальные возрастные группы приходится от 10% (за 70 лет) до 11,3% (40–49 лет). Зависимость между возрастом и националистическими взглядами значима на 0,01 уровне (корректно). В России возраст менее значим, однако больше молодых людей разделяет националистическую идеологию, чем взрослые (18–24 года – 16% против 12,8% – от 55 лет). Националистические настроения студенческой молодежи на Украине, вероятно, связаны с тем, что именно на них была сделана основная ставка в ходе «оранжевой революции».

Другой значимый фактор в распределении националистических взглядов (значимость более 0,1) – это региональное распределение как на Украине, так и в России. Дальний Восток, Центр, Москву и Петербург характеризует наиболее высокая доля поддержки, Урал и Волгу – наиболее низкая (см. табл. 9А).

Таблица 9А. Россия: русские патриоты, регионы

Регион	Москва и СПб.	Северо-запад	Центр	Юг	Волга	Урал	Сибирь	Дальний Восток	Всего N=1376
Пропорция респондентов–националистов	18,0%	18,6%	19,1%	11,2%	9,7%	8,0%	12,5%	20,5%	14,0%

Значимость на 0,001 уровне.

На Украине региональное размещение еще более значимо определяет национальную поддержку. В табл. 9Б указано, что 59% националистов – граждане из западных провинций, они составляют 38% респондентов из западного региона.

Таблица 9Б. Региональная поддержка националистов на Украине

Регион	Запад	Западный центр	Восточный центр	Юг	Восток	Всего N=1770
Региональное распределение людей, поддерживающих националистов Украины	59,30	20,30	13,80	2,80	3,70	100,00
% в каждом	38,40	10,30	10,40	1,80	2,00	12,20

Значимость на 0,001 уровне.

На западно-центральную часть приходится 20% опрошенных (по 10% респондентов на район); поддержка падает до 13,8%, 2,8% и 3,7% в восточно-центральной, южной и восточной регионах соответственно. Такое распределение отражает национальную специфику расселения Украины и представляет качественный контраст с Россией.

Сторонники реформ («Либералы»)

Либералами мы называем тех, кто поддерживает правое крыло политических реформ, частную собственность и рыночную экономику. Как показано в табл. 10, лояльность к политическим реформам более выражена в России, чем на Украине, хотя в обоих государствах эта поддержка не является существенной (11,7% по сравнению с 9,7% населения). В России сторонники реформ сосредоточены преимущественно в среде бизнесменов и менеджеров (28,9%), студентов (24,1%) и специалистов (18,3%). На Украине бизнесмены и менеджеры в меньшей степени поддерживают реформы, в основном поддержка исходит от студентов. Существует четкое классовое восприятие либеральных взглядов: чем выше социальный класс, тем выше склонность к поддержке либеральных реформ.

Таблица 10. Поддержка либерализма в зависимости от рода деятельности: Украина и Россия

Страна	Бизнесмены и менеджеры	Профессионалы и интеллигенция	Менеджеры	Рабочие	Крестьяне	Студенты	Другое	Всего
Украина: % от общего по роду деятельности	14,9	13,40%	8,80%	7,60%	1,80%	18,50%	6,70%	N=1713 9,70%
Россия: % от общего по роду деятельности	28,9	18,3	11,1	5,8	3,7	24,1	4	N=1410 11,7

Оба массива данных значимы на 0,001 уровне.

В обеих странах мужская часть населения более склонна разделять либеральные взгляды: в России 13,6% мужчин поддерживают эту точку зрения и только 10,1% женщин (значимость на 0,03% уровне), на Украине соответственно 10,4% мужчин и 8,4% женщин.

Возраст (как на Украине, так и в России) существенно коррелирует с правосторонними взглядами. В России на группу 25–39 лет приходится 39% населения. На Украине возраст сильно влияет на распределение сторонников либеральных реформ. На долю поддерживающих либеральную идеологию приходится 38,6% населения в возрасте 18–29 лет. Вклад 60-летних составляет лишь 6,9%, а 70-летних – только 2,6%. (На Украине и в России зависимость возраста и либеральных взглядов существует на 0,001 уровне.)

В России основными регионами, в которых сосредоточены сторонники либеральных реформ, являются Москва (16%) и Дальний Восток (15,6%), В то время как Волжский регион (10%) и Сибирь (7%) характеризуют меньшие значения. Однако эта разница является статистически незначимой. В России определяющим фактором в уровне поддержке либеральных взглядов является плотность населения территориальных единиц. Как отражено в табл. 11, с падением размера поселения сокращается пропорция сторонников реформ.

Таблица 11. Либеральные взгляды и плотность населения: Россия

	Москва	500	100–500	10–100	villages	Всего N=1412
Доля поддерживающих либеральные реформы в регионе	14,1%	17,4%	11,9%	11,8%	7,0%	11,7%

Значимость на 0,001 уровне.

На Украине региональное распределение более значимо. Ситуация абсолютно противоположна той, что наблюдалась нами при рассмотрении коммунистических взглядов. С движением в сторону запада заметно усиление поддержки либеральных реформ; более 30% этой поддержки приходится на центрально-

западной район (12% от населения внутри данного региона). Восток и центральный восток оказывают меньшую поддержку либеральной идеологии.

В целом либеральные взгляды зависят от социального класса: чем он выше, тем выше поддержка реформ. Также отмечена отрицательная корреляция с возрастом. В селах и деревнях либеральные взгляды разделяет наименьшая пропорция людей. На Украине отмечено серьезное смещение центра поддержки либеральных реформ от востока в сторону запада.

Авторитарные взгляды: режим «твердой руки»

На Украине более 18% придерживаются авторитарных взглядов. Ответившие распределились практически одинаково по всем видам деятельности. В среднем соответствующим образом ответило около пятой части в каждой группе: бизнесмены (28,2%) – наибольшая доля, «белые воротнички» (23,5%) и рабочие (22,8%); менеджеры (13,6%) и студенты (17,9%) (распределение ответов в зависимости от рода деятельности статистически незначимо). Среди мужчин и женщин (в разрезе возрастных групп, а также по регионам и национальностям) не было обнаружено статистической связи.

В российском опросе обнаружилось, что среди мужчин чаще, чем среди женщин, встречаются сторонники авторитарного пути развития страны: 26,7% и 19,1% соответственно (значимость связи на уровне 0,008). Зависимости ответов от возрастных групп отмечено не было. По родам деятельности наблюдалась следующая картина: поддержка режима «твердой руки» среди сельскохозяйственных работников составляет лишь 5%, тогда как во всех остальных группах она сохраняется на уровне 21–25%. Вероятно, представители сельского населения опасаются неизбежности негативных последствий такого режима, которые, в первую очередь, коснутся сельского хозяйства. В региональном распределении зависимости обнаружено не было.

Итак, на основании полученных данных нельзя утверждать, что авторитарный режим пользуется серьезной общественной поддержкой. Соответствующие взгляды разделяются меньшинством как в России, так и на Украине.

Поддержка и оппозиция реформам

Чтобы выявить отношение населения к политике реформ, было задано три вопроса о роли рынка, обязанностях государства и его роли в экономике. Респондентам было предложено высказать свое мнение за или против формирования рыночной экономики (с частной собственностью и корпоративным устройством), ответственности государства за адекватный уровень жизни всех граждан и борьбу с безработицей, и, наконец, государственную собственность на основные сектора экономики. Респондентов спрашивали, поддерживают ли они полностью или поддерживают с оговорками (полностью против или преимущественно против) те или иные направления реформ. В данной работе приведены результаты только первой части вопросов.

Табл. 12 и 13 иллюстрируют распределение ответов на три указанных вопроса на Украине и в России. Распределение приведено по шести альтернативным политическим взглядам (включая «прочее»).

Таблица 12. Политическая ориентация и отношение к рыночной экономике. Роль государства: Россия

	<i>Всего</i>	Коммунисты	Социал-демократы	Аграрии	Российские аграрии	Либералы	Режим «твердой руки»	Прочее
N=	1600	268	621	332	225	187	345	224
<i>Как Вы оцениваете формирование рыночной экономики с частной собственностью и бизнесом?</i>	%	%	%	%	%	%	%	%
Полностью поддерживаю	15,5	5,3	16,4	11,5	15,3	35,3	14,7	9,3
Поддерживаю с ограничениями	42,4	28,1	48,2	42,9	39	53	45,4	39
Против, но есть оговорки	21,2	34,1	19,5	23,9	21,9	5,4	16,1	22,7
Полностью против	11,6	18,6	7,7	16,9	18,5	3,1	17	9,9
Другие ответы	9,3	13,9	8,2	4,7	5,3	3,1	6,9	19,2
<i>Правительство должно обеспечить граждан работой и нормальным уровнем жизни</i>								
Полностью поддерживаю	78	82,1	81,4	82,6	76,5	71,5	78,1	70,5
Поддерживаю с ограничениями	19,1	17,4	16,3	14,1	19,1	23	20	28,1
Против, но есть оговорки	2,2	0	2,1	3,3	3,1	4,6	1,5	0,2
Полностью против	0,4	0,3	0,1	0	0,7	0,9	0,5	0,3
Другие ответы	0,3	0,3	0	0	0,6	0	0	1
<i>Правительство должно владеть основными промышленными ресурсами общества</i>								
Полностью поддерживаю	56,7	71,5	56,3	63,2	58,6	43,7	55	45,2
Поддерживаю с ограничениями	27,7	22,8	30,3	26,5	26,1	26,3	31,6	32
Против, но есть оговорки	10,7	3,8	9,2	7,6	10,7	21,7	9,5	15,7
Полностью против	1,5	0,4	1,3	0,5	2	6,5	0,7	1
Другие ответы	3,4	1,4	2,9	2,3	2,6	1,8	3,2	6,2

Таблица 13. Политическая ориентация и отношение к рыночной экономике. Роль государства: Украина

	<i>Всего</i>	Коммунисты	Социал-демократы	Аграрии	Украинские националисты	Либералы	Режим «твердой руки»	Другие
N=	2015	343	770	299	246	188	442	90
<i>Как Вы оцениваете формирование рыночной экономики с частной собственностью и бизнесом?</i>								
Полностью поддерживаю	26,1	9,9	25,1	23,1	38,0	57,4	24,9	18,8
Поддерживаю с ограничениями	42,0	31,9	50,9	41,0	42,6	27,9	41,3	30,3
Против, но есть оговорки	19,9	34,8	17,2	21,4	10,6	5,2	21,2	18,5
Полностью против	8,5	20,5	5,1	12,3	6,1	8,7	7,9	9,0
Другие ответы	3,5	3,1	1,6	2,2	2,7	0,8	4,8	23,4
<i>Правительство должно обеспечить граждан работу и нормальным уровнем жизни</i>								
Полностью поддерживаю	86,6	90,3	86,4	91,2	88,8	74,9	89,2	84,6
Поддерживаю с ограничениями	10,8	7,8	11,7	7,1	8,5	18,7	8,9	8,2
Против, но есть оговорки	1,4	0,8	1,3	1,3	2,7	2,7	1,0	1,4
Полностью против	0,5	0,0	0,2	0,4	0,0	3,7	0,6	0,0
Другие ответы	0,7	1,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,3	5,8
<i>Правительство должно владеть основными промышленными ресурсами общества</i>								
Полностью поддерживаю	62,4	75,0	63,6	67,7	53,9	43,9	63,7	58,3
Поддерживаю с ограничениями	21,3	17,6	21,6	19,5	26,1	23,9	21,0	12,6
Против, но есть оговорки	9,5	4,3	9,6	7,8	12,4	15,4	9,8	8,6
Полностью против	4,0	0,4	3,2	2,9	5,5	15,9	3,7	1,8
Другие ответы	2,9	2,8	2,0	2,1	2,1	0,9	1,9	18,6

Для удобства восприятия и формулировки выводов данные были обобщены в табл. 14. На Украине реформы имеют поддержку 68% респондентов, притом что только 8,5% заняли по отношению к ним непримиримую позицию, и 20% были преимущественно против реформ. В России реформы пользуются несколько меньшей поддержкой со стороны населения – 58%, что тем не менее составляет большинство. Полностью против высказались 11,6% респондентов, тогда как 21% отнесли себя к оппозиции с определенными оговорками. Также необходимо отметить, что полностью поддерживает реформы относительно небольшая доля населения в обеих странах: 26% (Украина) и 15,5% (Россия).

Таблица 14. Поддержка/оппозиция становлению рыночной экономики: Украина и Россия

N=	Украина 2015	Россия 1600
Полностью поддерживаю	26,1	15,5
Поддерживаю с ограничениями	42,0	42,4
Против, но есть оговорки	19,9	21,2
Полностью против	8,5	11,6
Нет ответа, другие ответы	3,5	9,3
	100,0	100,0

Ответы на оставшиеся вопросы демонстрируют сильную поддержку государственного вмешательства в национальную экономику: 86,6% респондентов на Украине и 78% в России «полностью согласны» с тем, что правительство должно проводить политику по борьбе с безработицей и обеспечению адекватного уровня жизни своих граждан. Кроме того, за государственную собственность на основные сектора экономики также высказалось подавляющее большинство в обеих странах: полное согласие прозвучало со стороны 62% в Украине и 56,7% – в России.

Стратификация и отношение к реформам

Существенные различия позиций социальных групп можно объяснить, прибегнув к стратификационному анализу. Принимая условно разделение по роду деятельности за основу стратификации, мы получили интересные результаты, демонстрирующие реальное классовое расслоение сторонников и противников реформ. Как показано в табл. 15, и в России и на Украине уровень поддержки рыночных реформ тем выше, чем выше социальная группа расположена в стратификационной иерархии. В России «за» высказались 75% бизнесменов и менеджеров, 74,4% студентов и 68% профессионалов; с другой стороны, среди промышленных рабочих таких нашлось лишь 40% (полностью или частично). На Украине во всех социальных группах (за исключением студентов, среди которых только 10% выразились против становления рыночной экономики) наблюдался незначительный процент тех, кто составляет оппозицию рыночным реформам. Наибольший процент противников реформ отмечен среди занятых в сельском хозяйстве (51%) и представителей рабочего класса (37%). Из поддерживающих большинство составляют студенты (98%), бизнесмены и менеджеры (82%), специалисты и интеллектуалы (79%). В целом, по сравнению с Россией, на Украине доля сторонников рыночных реформ выше и разница соответствующего показателя между стратами здесь также не настолько значительна.

Таблица 15. Поддержка формированию рыночной экономики. Разделение по роду деятельности

Род деятельности	Бизнесмены и менеджеры	Специалисты и профессионалы	«Белые воротнички»	Рабочие	Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие	Студенты	Остальные	Всего
Россия % в группе «за»	75,2	68,2	62	40,2	40,4	74,4	46	N= 1599 57,8%

Значимость 0,001

Украина % в группе «за»	82	78,80	69,80	62,70	48,40	89,90	78,80	N=1843 70,40%
-------------------------	----	-------	-------	-------	-------	-------	-------	------------------

Значимость на 0,05 уровне.

В каком соотношении остальные социальные группы высказывались «за» или «против»? Как в России, так и на Украине женщины чаще, чем мужчины, были против реформ. В России полностью или с оговорками против высказались 46,8% женщин по сравнению с 28,2% мужчин. На Украине аналогичные показатели составили соответственно 34% и 24%.

Наблюдалась значимая зависимость распределения ответов и по возрастным группам. В категории до 39 лет в России сторонников реформ оказалось 72%, тогда как их доля существенно снижается в категории старше 55 лет. На Украине складывается похожая ситуация: около 14% молодежи (18–29 лет) высказались против рыночных реформ, тогда как в старших поколениях (за 70 лет) доля противников составила 55%; в переломной точке (60 лет) доли ответивших «против» и ответивших «за», оказались примерно одинаковыми.

На Украине заметно выражена разница по регионам: в западном районе реформы поддержало 87% опрошенных по сравнению с западно-центральным, где таких оказалось 64,1%. Доля сторонников реформ среди русскоговорящих южан составила 65%, а на востоке страны был отмечен самый низкий показатель поддержки – 67,8%. В восточно-центральном районе их доля составила 72%. В оппозиции к реформам в этих районах преимущественно оказались меньшинства.

В целом полученные результаты подтверждают выдвинутое ранее утверждение о том, что чем выше социальная группа и моложе возрастная категория, тем более склонны их представители поддерживать рыночные реформы.

Выводы

Данная работа не подтверждает широко распространенную точку зрения о том, что классы перестают быть формой социальной идентификации. Люди могут по-разному идентифицировать себя, но социальный класс по-прежнему остается для них наиболее важной формой идентификации. Более того, как в России, так и на Украине существуют схожие модели, связывающие классы с опреде-

ленными политическими взглядами. Род деятельности, возраст и, в меньшей степени, пол, территориальный фактор, размер территориальной единицы определяют политическую ориентацию людей на оси правые–левые. Несмотря на то что в обеих странах рыночные реформы получили мощную поддержку, население также активно поддерживает идею государственного вмешательства в экономику и в большей степени склоняется к социально-демократическим идеалам. «Класс значим», поскольку ни одна из других социальных переменных не дает лучшего объяснения характеру распределения идеологических взглядов в обществе. «Левые» взгляды преимущественно поддерживаются промышленными и сельскохозяйственными рабочими, причем наибольшее число их сторонников приходится на женщин и старшие возрастные группы. «Правые» взгляды в основном разделяют новые классы предпринимателей и менеджеров, студенты и граждане, проживающие в крупных городах (особенно в Москве и Санкт-Петербурге). То, что активную поддержку рыночным реформам демонстрируют студенты, дает основания полагать, что существует определенная связь с развитием рыночной системы и формированием новых элементов буржуазного общества. Тем не менее отмечена существенная разница между Россией и Украиной – региональное смещение точки концентрации правых патриотических взглядов в сторону западной Украины. Это связано с тем, что на западе проживает преимущественно сельское население и нет столь развитой промышленной инфраструктуры.

У значительной части населения, представленной в основном низшими классами и бывшей социалистической интеллигенцией, последствия трансформации привели к усугублению чувства потери и негативного отношения к рыночным реформам. Обществам государственного социализма был свойствен постоянно растущий уровень социального напряжения [Головаха, Панина 1999, р. 31–40]. Но, несмотря на то, что последствия трансформации столь негативно были восприняты населением, возникает вопрос, почему не сформировалось сильной оппозиции рыночным реформам? Частично ответ может быть найден в особенностях протестного поведения и проблеме постановки альтернативной стратегии развития. Классовая оппозиция, пользующаяся массовой поддержкой населения, не получила распространения, в то время как на фоне реформ весьма активно формируются ассоциации бизнесменов и предпринимателей. Политические партии слабы и не пользуются широкой поддержкой. (Многие массовые акции протеста, такие как, например, цветные революции, были профинансированы и поддержаны иностранными классовыми движениями в защиту рыночных реформ и политического плюрализма.) Новые управленческие и бизнес-классы имеют свой выраженный классовый интерес, заключающийся во всесторонней поддержке развития рыночной системы. Тем не менее среди их представителей также существует немало сторонников государственного вмешательства в экономику, что свидетельствует об отсутствии уверенности в своих собственных силах. Оппозиция направлена против неклассовых акторов: государственной администрации и представителей государственной власти. Более того, часть оппозиционных сил обратилась к национальной идее, которая была поставлена в центр их политической идеологии.

Слабость социальных протестных движений также связана с особенностью переходных форм институтов гражданского общества. Возникновение самостоятельных капиталистических акторов в экономическом пространстве постсоциалистических стран не приняло массовый характер. Несмотря на то что социальные сети в обществе государственного социализма играли куда большее значение, чем это описывается в работе, посвященной гражданскому обществу (См.: [Lane 2005, p. 7–16]), они существенно зависели от государства (прямо или косвенно). Навязанное сверху создание гражданских ассоциаций, спонсируемых Западом, потерпело крах: в условиях прекращения финансирования из-за рубежа деятельность большинства из них была заморожена. Более того, эти организации выполняли неоконсервативную функцию ослабления государственных институтов, замены этих институтов добровольными благотворительными ассоциациями, организациями, поставляющими «частные услуги» населению на общественных началах. Несмотря на то что формально профсоюзы представляют собой достаточно многочисленные ассоциации, они играют незначительную роль и весьма ограничены в своих функциях. Класс буржуазии вынужден постоянно защищать себя сам. В условиях отсутствия твердых основ гражданского общества невозможно обеспечить стабильную демократию, какую-либо существенную политическую оппозицию, возможность протестных акций и изменений [Mann 2005, p. 21]. Это также привело к серьезному ослаблению контрэлит и оппозиционных движений обделенных групп населения или просто несогласных с принципами рынка и частной собственности. Очевидно, что в условиях социальной нестабильности, сложившихся в современной Украине и России, весьма возможным становится контрреволюционный сценарий [Mann 2004, p. 170]. И дело тут не в форме классового сознания – программе реформ не хватает организации и устойчивой альтернативной идеологии. Относительная политическая стабильность постсоциалистических стран сформировалась благодаря согласию элит, не просто направивших реформы в своих странах в рыночном направлении, но уничтоживших идеологическую оппозицию.

Перевод с англ. В. Захаровой и Г. Ястребова

Литература

- Kornai J.* From Socialism to Capitalism. London: The Social Market Foundation, 1998.
Mau V., Starodubrovskaya I. The Challenge of Revolution. Oxford, 2001.
Lachmann R. Agents of Revolution // Ed. by J. Foran. Theorising Revolutions. N.-Y.; L.: Routledge 1997.
Davis J.E. Introduction: Social Change and the Problem of Identity // Identity and Social Change / Ed. by J.E. Davis. New Brunswick. L.: Transaction Books, 2000.
Dunn R.G. Identity, Commodification and Consumer Culture // Identity and Social Change / Ed. by J.E. Davis. New Brunswick; L.: Transaction Books, 2000.
Pakulski J., Waters M. The Death of Class. London and Thousand Oaks: Sage, 1996.
Bunce V. Subversive Institutions. Cambridge: University Press, 1999.

- Offe C.* Varieties of Transition. Cambridge: Polity Press, 1996.
- Harvey D.* The Work of Postmodernity: The Laboring Body in Global Space // Identity and Social Change / Ed. by J.E. Davis. New Brunswick. London: Transaction Books, 2000.
- Evans G., Mills C.* Are there Classes in Post-Communist Societies? A New Approach to Identifying Class Structure // Sociology. February 1999.
- Evans G.* Social Class and Interest Formation in Post-communist Societies // Conflicts about Class / Ed. by D.J. Lee, B.S. Turner. L., N.-Y.: Longman, 1996.
- Slomczynski K.M., Shabad G.* Structural Determinants of Political Experience: A Refutation of the “Death of Class” thesis // Slomczynski K. Social Patterns of Being Political. Warsaw: IFiS Publishers, 2000.
- Szelenyi I., Fodor E., Hanley E.* Left Turn in Post-Communist Politics: Bringing Class Back // East European Politics and Societies. 1997. Vol. 11. № 1.
- Mateju P., Rehakova B.* Turning Left or Class Realignment? Analysis of the Changing Relationship Between Class and Party in the Czech Republic, 1992–1996 // East European Politics and Societies. Vol. 11. № 3.
- Головаха Е.И., Панина Н.* Потенциал протеста украинского общества // Социологические исследования. 1999. № 10.
- Lane D.* Civil Society and the Imprint of State Socialism, Participation of Civil Society in New Modes of Governance. The Case of the New Member States // Forschungsstelle Osteuropa. Bremen: Arbeitspapiere und Materialien, May 2005.
- Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Mann M.* Fascists. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.